

Е.Н. Проскурина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**Сибирь и Кавказ: два райских полюса
в художественной топографии Г. Газданова**

Аннотация: В статье анализируется функция образов Сибири и Кавказа в художественной топографии Газданова. Несмотря на свою периферийную позицию, оба играют ключевую роль в мнемонической поэтике произведений писателя: Сибирь как символ России, Кавказ – ностальгический образ малой родины автобиографического героя.

The article analyzes the functioning of the images of Siberia and the Caucasus in the artistic topography of Gaito Gazdanov. In spite of their peripheral position, both regions play a key role in the mnemonic poetics of Gazdanov: Siberia is represented as a symbol of Russia, while the Caucasus is a nostalgic image of the homeland of the autobiographical protagonist.

Ключевые слова: литература первой эмиграции, творчество Г. Газданова, мнемоника, художественная топография, сибирский текст, литературный Кавказ.

Literature of the first wave of emigration, writings of Gaito Gazdanov, mnemonics, artistic topography, Siberian text, literary Caucasus.

УДК: 82.091

Контактная информация: Новосибирск, ул. Николаева, 8. ИФЛ СО РАН, сектор литературоведения. Тел. (383) 3304772. E-mail: proskurina_elena@mail.ru.

Сибирский и кавказский локусы – важная часть мнемопоэтики Газданова, репрезентирующие память детства его автобиографического героя. И то, и другое пространство выступают двумя полюсами его детского рая. Сибирский эпизод был коротким в биографии семьи Газдановых: туда получил назначение Газданов-старший после окончания петербургского лесного института. Но несмотря на краткость пребывания, образ Сибири ярко отпечатлелся в сознании будущего писателя и нашел свое отражение в его раннем творчестве: первом романе «Вечер у Клер» (1930) и рассказе «Железный Лорд» (1934). В «Вечере у Клэр» няня автобиографического героя рассказывает ему о прекрасной жизни его родителей в Сибири, а «Железном Лорде» Сибирь названа я-повествователем «родной страной». В образе Сибири, предстающей из посмертных записок Василия Николаевича, героя «Железного Лорда», он узнает свои собственные впечатления, сложенные из рассказов родителей и словно заново переживаемые через чужое слово в иных, эмигрантских обстоятельствах: «я сразу почувствовал ту громадную свежую силу, которой была полна его тогдашняя, такая счастливая жизнь. Сибирские реки, сибирские просторы – это было то, что еще так любил мой отец, и я знал их по его рассказам и по рассказам матери и няни, так что, читая описание этого периода жизни Василия Николаевича, я точно путешествовал с ним по родной стране, где мне были известны все могучие, возможные только в Сибири, повороты реки, легкий и точно небрежный, но неувядающий запах, смесь травы, цветов и земли; и мерный бег коня, и лай Железного Лорда, пригнувшегося к земле для следующего прыжка вслед за быстро мелькающими ногами лошади, и смеющиеся

ся, необычайно большие глаза Елены Власьевны, и холодное густое молоко с черным хлебом, густо посыпанным солью» [Газданов 1996, III, с. 354–355]. В этом коротком фрагменте запечатлены все главные составляющие сибирского топоса: широта пространства, мощь рек, свежесть воздуха, густая смесь запахов, естественность и непринужденность быта и стола, сохранившего в качестве основы извечные хлеб, соль и молоко. В воспоминаниях Василия Николаевича Сибирь тоже предстает сказочной страной, райским местом – единственным, где он был по-настоящему счастлив во время своего свадебного путешествия: «Мы были на Амуре и на Иртыше, в этой замечательной стране, где бы я хотел кончить свою жизнь» [Там же, с. 354]. Для самого автора рассказа образ Сибири становится символом России, с ее просторами, реками, свежестью воздуха, с ее песнями. В рассказе «кухарка с мечтательными синими глазами на огненно-рыжем лице» [Там же, с. 343], служившая в семье я-повествователя в период его российского детства, пела известную песню «По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах», и на его вопрос: «Что же там – и степи, и горы?» [Там же], – ответила многозначительным: «Всё» [Там же].

Контрастным по отношению к образу Сибири предстает в «Железном Лорде» образ Петербурга – как место развлечений и соблазнов, очень скоро разрушившее семейное счастье Василия Николаевича. «Никакая сила в мире, ничто не могло ни воскресить это громадное и сложное счастье, которое совмещало в себе – в одной только мысли – Сибирь, к которой Василий Николаевич беспрестанно, с болезненной настойчивостью возвращался, и запах сена, и тело Лели, и ее глаза, и все, что происходило тогда, – ни воскресить, ни уничтожить так, чтобы сделать это небывшим, чтобы не было причины для смертельного и непрекращающегося сожаления» [Там же, с. 357]. Несомненно, в этом ностальгическом самоощущении голос героя соединен с голосом автора, для которого Россия – такой же потерянный рай, как Сибирь для Василия Николаевича.

Дополняет художественный образ Сибири у Газданова сцена из романа «Вечер у Клэр», где няня юного Николая Соседова рассказывает ему о том, как жили в Сибири его родители: «Жизнь моих родителей в Сибири, по словам няни, была прекрасной.

– <...> Покупали яйца на базаре. Дешевые были яйца, тридцать пять копеек сотня, не то что здесь. Мяса фунт две копейки. Масло в бочках продавали, вот так...» [Газданов 1996, I, с. 59]. В «Вечере у Клэр», как и в «Железном Лорде», Сибирь предстает богатым краем. Реалии северного быта и даже фрагмент каторжного сюжета вписаны здесь в контекст вольности и сытой жизни: «Она рассказала мне, как в Сибири на улицах продают замороженные круги молока, как ставят на ночь провизию у окон для беглых каторжников, скитающихся лютой зимой по городам и селам» [Там же].

Семантически усложняет сибирский эпизод любимая маленьким Колей комичная на первый взгляд история с Васильевной, которую уж много раз рассказывает ему няня. Васильевна – нанятая повариха, оказавшаяся прибывшей из Петербурга матерью каторжника. «...Вот раз барыня гостей созвала. Васильевна пирог делает, а стол накрыли еще днем. Вечером барыня приезжает ... и видит: ничего ... нет. Все чисто. Пирога нет, посуда разбросана. Идет на кухню. И Васильевна сидит, вся красная, злая, не дай Бог. Барыня спрашивает: почему не готово? <...> А та отвечает: я сама барыня ... не хочу больше подавать, хочу сама есть. И весь пирог обкусанный. Потом Васильевна как сбежала со двора, так только на шестой день воротилась. Пришла вся грязная, обтрепанная, все платье оборвано, а сама плачет. Простите, говорит, меня, такой у меня запой бывает, ничего не поделаешь. Большая аккуратистка» [Там же, с. 60], – так завершает свой рассказ няня. За этой комичной историей, варьирующей сказку о золотой рыбке, скрыта человеческая драма: Васильевна действительно могла быть в прошлом состоятельной женщиной, поехавшей влед за сыном (вероятно, революционе-

ром) на каторгу в Сибирь и живущей там на поселении. О ее состоятельном прошлом свидетельствует именование себя «барыней», хотя вряд ли за этим стоит дворянское происхождение – слишком уж неблагородно поведение Васильевны. Но вполне возможно, что в своей петербургской жизни не она готовила стол, а ей готовили и подавали. Тогда объяснимыми становятся ее запои, являющиеся выражением отчаяния от потери ее собственного рая, завершающиеся, однако, покаянием и возвращением. Можно предположить, что именно этот жест возвращения и остатков совести и означает ее неуместное и комически звучащее в устах няни именование «аккуратисткой». В целом же, за исключением микросюжета с Васильевной, сибирские эпизоды, встроенные в план детских воспоминаний героя, как в романе, так и в рассказе Газданова овеяны райскими коннотациями радости жизни, в чем видится их особая функция в плане репрезентации сибирского текста русской литературы.

Другим полюсом утраченного детского рая является в прозе Газданова Кавказ, запечатленный в его воспоминаниях об осетинском родовом доме, куда он ребенком каждый год уезжал на лето. Впервые кавказский мотив появляется в «Вечере у Клэр», где отец героя лепит из гипса рельефную карту Кавказа. Однако маленький Коля Соседов неосторожным движением разбивает ее. Этот жест становится символическим для его дальнейшей судьбы: смерть отца, переезд на Украину и поступление в Петровско-Полтавский кадетский корпус, скорый переезд в Харьков, уход на Гражданскую войну и служба на стороне Белой армии, вынужденная эмиграция, ставшая пожизненной... Так образ Кавказа и дедовского дома отодвигается в план сквозного в романах Газданова «сюжета воспоминания» (термин Б. Аверина [Аверин, 2003]), занимая в нем одно из ключевых мест, несмотря на редкость самих кавказских эпизодов, мерцающий характер национального подтекста. Последнее обстоятельство породило одну из устойчивых точек зрения о том, что Газданов по-настоящему не знал Кавказа, и сама родина предков не стала частью его генетической памяти [Федякин, 2000, с. 44]. Возможно, это мнение было спровоцировано признанием самого писателя, который в одном из поздних писем на родину, когда был восстановлен его контакт с Россией, сказал о себе: «Осетинского языка я, к сожалению, не знаю, хотя его прекрасно знали мои родители <...>. Учился я в Парижском университете, но русский язык остался для меня родным» [Хадарцева, 1988, с. 109]¹. Однако мысль о поверхностном знакомстве Газданова с Осетией опровергается поэтикой тех фрагментов его романов, которые посвящены Кавказу и где «романтическая экзотика» сочетается со множеством детальных описаний местного пейзажа и быта, дедовского дома и сада: «...Каждый год во время каникул я ездил на Кавказ, где жили многочисленные родные моего отца. Там из дома моего деда, стоявшего на окраине города, я уходил в горы. Высоко в воздухе летели орлы, я шагал по высокой траве с моим ружьем монте-кристо, из которого стрелял воробьев и кошек; в стороне с шумом тек Терек, и черная мельница одиноко возвышалась над его грязными волнами. <...> Тишина, солнце, деревья. <...> Затем, оглядываясь на красное, заходящее солнце, я шел домой ... и приходил как раз вовремя для того, чтобы увидеть пастуха в белой войлочной шляпе, гнавшего стадо с пастбища <...>. Я знал, что сейчас ... об белые донья ведер зазвенят упругие струи молока, и дед будет смотреть на это с галереи, выходящей во двор, постукивая палкой по полу» [Газданов 1996, I, с. 77–79]. Но если в «Вечере у Клэр» это еще живые картины детских не очень давних впечатлений, воспоминаний, не приобретшие «иероглифических» очертаний, то в «Ночных дорогах», писавшихся на рубеже 1930-х – 1940-х гг., образ Кавказа приобретает символические черты навсегда потерянной малой родины.

¹ Значимость осетинского национального субстрата в творчестве Газданова в последнее время активно проводится в работах осетинских исследователей. См., напр.: [Бзаров, 2005; 2008; Газданова, 2005].

И духовная задача автобиографического героя состоит в том, чтобы сохранить этот образ и эти черты в своей памяти до самой смерти: «...Я привык себе – давным-давно, словно в прочитанной книге, – представлять: старый дом, с одним и тем же крыльцом и той же входной дверью ... деревьями, которые, как архивы моего бюро, существовали до моего рождения и будут продолжать расти после моей смерти, и лермонтовский дуб над спокойной моей могилой, снег зимой, зелень летом, дождь осенью, легкий ветер российского, незабываемого апреля месяца; много книг, прочитанных много раз ... это медленное очарование семейной хроники, одно могучее и длительное дыхание, слабеющее по мере того, как будут замедляться моя жизнь, терять звучность голос, ... сесть волосы, хуже видеть глаза, до тех пор, пока в один прекрасный день, оглянувшись на секунду, я не увижу себя точно похожим на моего деда, в теплую весеннюю погоду сидящим на скамейке, под деревом, ... и прислушиваться к шуму листьев, чтобы запомнить его еще раз, навсегда, и чтобы не забыть его, умирая» [Газданов, 1996, I, с. 599]. В этом пронзительном фрагменте каждая деталь пропущена через «память сердца» я-повествователя, в которой прошлое, настоящее и будущее существуют в нераздельности и воплощаются в дорогих семейных образах, предметах быта, куда вписан и литературный план, акцентированный лермонтовским кодом, а также мотивами библиотеки, книги, архива. Все это лишает газдановский образ Кавказа литературной трафаретности, превращая в часть «семейной хроники».

Таким образом, Сибирь и Кавказ становятся двумя крайними райскими локациями в топографии Газданова, между которыми располагаются также Петербург и Венеция. Первый – как город детства самого писателя и его романного alter ego, второй – как город мечты и одновременно зеркальное отражение Петербурга. Совершенно лишен райских коннотаций газдановский Париж – место его эмигрантских будней, большей частью трудных и безрадостных¹. Вместе с тем, несмотря на схожесть функций в мнемоническом метасюжете писателя, за Сибирью закрепляется символическая репрезентация России, тогда как Кавказ представляет малую родину его автобиографического героя. Симптоматично, что в паре Сибирь – Кавказ наиболее жизнеспособным у Газданова оказывается сюжет кавказских воспоминаний, мерцающих и в его финальном романе «Эвелина и ее друзья», тогда как образ Сибири после «Железного Лорда» больше не появляется в его текстах, как оказалось, лишь на короткое время вступив в косвенный диалог с кавказской темой его детского рая. Т.е. образ малой родины, несмотря на давность утраченных контактов, остался прочно впечатанным в память автора и его alter ego, не найдя себе замены в художественной топографии газдановской прозы. Хотя в ностальгических изображениях писателем России, ее незабываемых ландшафтов одним из основных мотивов оказывается мотив снега, что оставляет на них и сибирский след.

Литература

Аверин Б. Дар мнемозины. Романы Набокова в контексте русской автобиографической традиции. СПб., 2003.

Бзаров Р.С. Осетинской культурно-исторический контекст детства и юности Гайто Газданова // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 189–198.

Бзаров Р.С. Устная история и письменные источники о семье и предках Гайто Газданова // Гайто Газданов в контексте русской и западноевропейских литератур. М., 2008. С. 213–219.

Газданов Г. Собр. соч.: В 3-х т. М., 1996.

¹ Подробно о семантике образов Петербурга, Венеции, Парижа у Газданова см. нашу работу: [Проскурина, 2012, с. 63–67].

Газданова В.С. Социализация в традиционном осетинском обществе и биография Гайто Газданова // Гайто Газданов и «незамеченное поколение»: писатель на пересечении традиций и культур. М., 2005. С. 199–205.

Проскурина Е.Н. Русский Париж в романах Газданова: динамика образа // Русский мир в мировом контексте: Сб. статей и материалов всероссийской заочной научной конференции с международным участием «Человек и мир человека». Рубцовск, 2012. С. 63–67.

Федякин С.Р. Лица Парижа в творчестве Газданова // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения. М., 2000. С. 40–57.

Хадарцева А.А. К вопросу о судьбе литературного наследия: Гайто Газданов // Литературная Осетия: Альманах. 1988. № 71.